

Ежедневно записывать одно событие — насколько полезен такой способ саморефлексии и самосознания. Поначалу Чу не задумывалась об этом, но со временем это стало привычкой, ведь каждый день она садилась рядом с Сакурой, и записывала что-то важное.

Стоит отметить, что подобный ритуал позволял чувствовать, что этот день действительно прошёл, что он был настоящим, ощутимым.

Прежде у неё было размытое ощущение времени: лишь изредка, с большим запозданием, она могла заметить, что прошел день, год или больше. Особенно это ощущалось в пустошах, где не было ни дня, ни ночи, а времени как такового и вовсе не существует.

Как бы то ни было, ей нравилось это чувство реальности, и именно поэтому она продолжала записывать события.

Шух-Шух! - бамбуковая метла скользила по земле, вздымая легкую пыль. Одета в простое серое платье Чу, подметала место перед входом в храм.

Цветение сакуры длилось недолго, и ещё несколько недель назад деревья стояли обнажёнными. Теперь же, наступил конец весны, и на улице чувствовалась нарастающая температура.

Проходящие мимо люди приветливо кивали Чу, на что она отвечала им лёгким поклоном. В основном, это были жители, направлявшиеся с мотыгами и мешками за спиной на поля. Ведь конец весны был временем напряжённой работы.

Шух-Шух-Шух! - почти закончив подметать, Чу услышала щебетание птиц под крышей храма, и подняла голову. В углу, на пересечении стены и карниза, уютно устроилось сложенное из мелких веток и глины, гнездо.

Старый монах говорил, что это ласточки. Каждую весну они прилетают в деревню, чтобы свить гнездо и вывести птенцов, а с наступлением конца лета вновь покидают эти места.

В первые дни, когда птицы строили гнездо, из-под крыши довольно часто падали комочки земли. Но теперь оно выглядело аккуратным и даже красивым. Только что появившиеся на свет птенцы, уютно устроившись в гнезде, широко разевали клювы и громко пищали, будто требуя скорейшего возвращения родителей с едой.

Чу бросила на них взгляд, понимая что гнездо может вот-вот упасть. А находившиеся в гнезде птенцы почувствовав её присутствие, вдруг притихли и спрятались в своем домике.

Так уж было устроено: животные гораздо острее чувствовали её присутствие, чем люди, и поэтому большинство зверей стремились держаться от неё подальше.

Заметив, что птенцы насторожились, Чу отвела взгляд, приложила метлу к двери и аккуратно взяв гнездо, вернула его на прежнее место, поднявшись на цыпочки. Но почему-то, устанавливая гнездо на перекладине, она ощутила легкое волнение...

"Сегодня я запишу это событие" — подумала она.

Убедившись, что гнезду больше не угрожает опасность упасть, она взяла метлу и направилась прочь. Птенцы в гнезде перестали дрожать. Осторожно выглянув из своего убежища, они заметили, что опасный незнакомец ушел, и снова защебетали.

Чу подошла к дверному косяку и увидела, что у входа стоит старый монах, спокойно перебирая чётки, и с лёгкой улыбкой наблюдая за ней.

"Что-то случилось?" — поставив на место метлу, спросила Чу.

"Я подумал, что в тебе есть нечто родственное с нашей обителью" — ответил монах, всё так же перебирая чётки и не спеша продолжая: "Чу, ты добросердечная девушка."

"Добросердечная?"

"Конечно" — кивнул он: "Ты ведь хорошая, Чу, разве не так?"

Он заметил то, как она вернула гнездо на место, чтобы то не упало.

"Хороший человек..." — эти слова заставили Чу замереть. А затем, покачав головой, она тихим голосом произнесла: "Я не хороший человек."

С этими словами она зашла внутрь храма, оставив монаха одного на крыльце.

Обычно они начинали занятия с Сакурой ближе к полудню, и до этого ещё оставалось время. Поэтому, Чу решила поколоть немного дров.

Она взяла топор и с лёгкостью расколола деревянное полено на две части. Это была совсем несложная работа, по крайней мере, для неё. Ведь с её силой расколоть даже целое дерево пополам было пустяком.

Крр! - с глухим звуком раскололось очередное полено, и отлетело в сторону. А Чу, будучи немного рассеянной, положила перед собой следующее полено, обдумывая слова монаха.

"Хороший человек..."

Она — хороший человек? Конечно, нет. Такие слова, как "хороший", или даже "человек" совсем ей не подходили. И всё же в её душе что-то шевельнулось, и она подумала: что, если бы она действительно была хорошим человеком? Если бы не было прошлого, если бы она была простым человеком с добрым сердцем...

Возможно, тогда её жизнь имела бы смысл? Возможно, тогда она бы всегда ощущала полноту этой реальности?

Крр! — топор опустился, и погружённая в мысли Чу, забыла убрать удерживающую полено руку. Лезвие раскололо дерево, а вместе с ним и её указательный палец.

Чу почувствовала лёгкую боль, и опустив глаза, спокойно посмотрела на отрубленный палец. Затем, она подняла его и прижала к месту среза. Где палец прирос почти мгновенно, и Чу пошевелила восстановленным суставом.

В тот момент, когда отлетел её палец, она почти не почувствовала боли. Чувствительность её тела угасала, а вместе с ней ослабевала и боль. Возможно, это даже хорошо — так легче выполнять задачи.

Она опустила руку и продолжила колоть дрова, в глубине души вновь подтвердив для себя, что не может считаться хорошим человеком. Она лишь чудовище, погрязшее в грехах.

В этот день Чу была тише обычного и почти не проронила ни слова, даже когда обучала Сакуру искусству меча.

Вечером их ужин был таким же скромным, как всегда: немного солёных овощей, порция тушёного блюда, миска лёгкого супа и маленькая пиала риса.

Старый монах был неплохим поваром, и по его собственным словам, это было одним из его немногих умений. Он мог приготовить даже простые блюда так, чтобы они были вкусными.

Соления были в меру остры и кислы, маленькое тушёное блюдо и овощной суп — лёгкими, но не пресными. А рис был ароматным и сладковатым, с нежным ароматом недавно выращенных на огороде злаков.

Трое сидели в зале перед храмом, наслаждаясь вечерним бризом и тёплой пищей. В их тишине не было ни капли неловкости, это была тихая, повседневная гармония.

Старый монах время от времени делился воспоминаниями, как и положено пожилому человеку, любящему вспоминать былое время. Обычно, каждый день проходил примерно также, но сегодня кое-что нарушило привычный ритм: внезапно перед ними пролетела ласточка. В клюве которой виднелась веточка с крохотным зелёным побегом.

Птица опустилась перед храмом, привлекая их внимание, а затем, сделав несколько лёгких прыжков, приблизилась к Чу. Затем, она склонилась, и аккуратно положила веточку рядом с её коробочкой с едой.

Троица на мгновение растерялась, а ласточка, слегка наклонив голову, весело чирикнула и тут же взлетела, растворившись в сумерках. Рядом с коробочкой лежала прочная и гибкая веточка — прекрасный материал для строительства гнезда.

Старый монах, первым поняв, что здесь произошло, рассмеялся и сказал Чу: "Похоже, это благодарность ласточки. Прими её."

Задумавшись, Чу протянула руку к веточке. И казалось, что этот яркий зелёный побег смог разжечь слабое свечение в её тёмных глазах...